

- О боже! Мари, ты выглядишь потрясающе! - крикнула Франческа с другого конца комнаты, где она разговаривала с другими посетителями. Она застучала на своих высоких каблуках, слегка переваливаясь. - Да! Да, да. Платье идеально, нет?! Я знала, что это будет идеально для тебя, - она громко ахнула, а затем начала возбужденно хлопать в ладоши. - О боже! Мне нравятся эти туфли. Я люблю их. Ты видишь? Я же сказал тебе, что позабочусь о тебе. Ты идеальна! Все выглядит идеально.

- Я...не знаю, как тебя и благодарить, Франческа, - искренне сказала Мари. - Со мной никогда в жизни так хорошо не обращались. И подарки, тебе не нужно было. Я собиралась сказать тебе, чтобы ты вернула их...но...что ж, ты знаешь, как выбирать хорошие вещи.

- Всегда пожалуйста! Это своего рода удовольствие. А теперь позвольте мне сходить за Алексис. Она ждала, когда ты закончишь.

Фрэн зашла за угол и пошла в заднюю часть салона. Она постучала, прежде чем войти. Когда дверь открылась, она увидела Алексис, распростертую на столе. Она также сделала воск, маникюр и педикюр. Эбби устроилась между ее ног, тщательно вылизывая её киску. Фрэн ничего не ответила. Она спокойно смотрела, как маленькая девочка довела Алексис до очередного мощного оргазма.

- О, фууук! Я кончаю! - Алексис задыхалась, когда ее тело извивалось, и она прижала свою мокрую киску к лицу Эбби.

Франческа ухмыльнулась и кивнула Алексис, прежде чем тихо выйти.

Алексис медленно откинула голову Эбби. - Мне пора идти, Эбби. Ты очень хорошо справилась. Я дам знать сэру, какой прекрасной маленькой шлюшкой ты была. Хорошо?

- О, спасибо, госпожа, - она застенчиво ответила, ее лицо блестело от соков Алексис.

С этими словами Алексис оделась и направилась обратно к выходу.

- О...боже мой. Мари! Ты выглядишь сексуально! Я почти не узнала тебя. Это платье потрясающее...а туфли! А волосы! Как ты себя чувствуешь?

- На миллион долларов! - сказала она, сияя от такой реакции.

Некоторое время спустя они вернулись в дом. Алексис задавалась вопросом, много ли Том успел написать, или его отвлекла Джен. Мари поднялась в свою комнату и поставила сумки в шкаф. Она продолжала думать о разговоре между Алексис и Томом. Теперь, когда она вернулась в дом, ей снова захотелось кончить. Она пожалела, что у нее нет вибратора. Мари

выбросила эти мысли из головы. Что за мать мастурбирует под мысли о своем сыне? Пока это было только у нее в голове, в этом не было ничего плохого. Вот что она твердила себе.

Мари прошла по коридору наверх и остановилась у открытой двери. Алексис выпрямлялась внутри. Мари легонько постучала в открытую дверь, чтобы дать ей знать, что она там.

- О, привет, Мари. Заходи. Я просто убираю кое-какие вещи.

- Это твоя комната? Разве вы двое не спите вместе? - спросила Мари, оглядывая безделушки, которые покрывали комод.

- Большую часть времени. ДА. Хотя мне тоже нравится иметь свое собственное пространство, - сказала она, надеясь, что это не покажется слишком странным.

Мари заметила стопку книг на столе и подошла, глядя на них. Все они были написаны одним и тем же автором книги, которую она читала в самолете. Она взяла одну из них, и открыла на задней обложке. Может быть, она одолжит эту книгу после того, как закончит читать ту, которую начала вчера вечером. Она не могла не думать о том, как промокла во время полета. Мари отметила про себя, что именно книга возбудила ее до того, как она приехала сюда этим утром. Это был первый раз, когда она по-настоящему почувствовала это с тех пор, как узнала о романе своего мужа, или, возможно, задолго до этого. Затем, увидев обнаженную Алексис, она еще больше возбудилась. Подслушав их разговор и услышав, как она говорит о члене её сына, она просто подтолкнула ее к краю пропасти.

Она открыла экземпляр той же книги в твердом переплете, которую читала. На внутренней стороне была надпись. Она прочла её. Затем она остановилась в полном осознании и перечитала её еще раз. А потом еще раз. У нее упало сердце, а потом закружилась голова. Почему сегодня ничто не имело смысла? Вот оно, однако, было выгравировано красной ручкой. Там было написано: "Алексис, я бы не смог закончить этот роман без тебя. Ты настоящая шлюха. Я люблю тебя". И оно было подписано "Том". Этого было почти слишком много, чтобы переварить. Это было ясно как день. Почерк принадлежал ее сыну, и она ясно видела, что он подписал свое имя. Она отложила книгу и выбежала из комнаты. Алексис смотрела ей вслед, гадая, что ее так расстроило. Ей и в голову не пришло, что она видела надпись.

Замешательство Мари достигло пика. Она вошла в свою комнату и закрыла дверь, забравшись на кровать. Ей просто было трудно обо всем думать. "Мой сын — автор бестселлеров "Нью-Йорк таймс", - тихо повторила она про себя. Переваривая информацию, она подумала, что теперь дом имеет для нее смысл. Конечно, у него были деньги. Почти каждая женщина, которую она знала дома, читала эти книги. И мужчины тоже. Они были такими откровенными и сексуальными. Может быть, поэтому он и не упомянул об этом. "О боже", - прошептала она, думая о том, какой влажной это сделало ее, и о том, как ее сестра сказала, что она охотно мастурбировала на них. Но дело было не в книгах, не так ли? Он написал их, так что на самом деле это были мысли ее сына, которые сделали ее влажной — ее уверенного в себе, успешного сына с большим толстым членом.

Мари задрала платье и опустила руку к своей киске. Теперь она была такой гладкой, а отсутствие волос не позволяло скрыть, насколько она промокла. "Используй свой рот", - прошептала она сама себе, когда ее пальцы скользнули внутрь нее. Мари плакала, теребя себя пальцами. "Томас, - повторяла она про себя снова и снова, - Томас, что ты делаешь с мамой?"

Хотя проблема была у Мари. Она знала, что он не просил ее читать книгу и не говорил ей, что написал ее. Он не говорил таких вещей Алексис в ее присутствии. Именно ее любопытство привело ко всем этим откровениям. Он не пытался завести ее, и от осознания этого ей стало еще хуже. Она была искренне увлечена его тайной жизнью. - Это неправильно, - сказала она вслух, но ее пальцы теперь работали быстрее. - Это неправильно, когда мамочка хочет твой большой, толстый член, - как только слова сорвались с ее губ, она взорвалась в сильнейшем оргазме, который у нее когда-либо был.

Мари свернулась калачиком поверх белого белья. Теперь она плакала еще сильнее. Ее руки держатся за ее новое платье, пачкая его соком на пальцах и промежности. Все было неправильно. Она чувствовала себя очень одинокой в этом большом доме, в этом странном доме. Ее муж исчез. Он был где-то на востоке и трахал свою молодую массажистку. Вероятно, он совсем по ней не скучал. Ее сын был незнакомцем. Она официально чувствовала, что больше понятия не имеет, кто он такой. Разве он не подшучивал над ней сегодня за то, что она читала эту книгу, ЕГО книгу? И Алексис тоже! Разве она не говорила об этом с Мари сегодня утром? Это была какая-то большая шутка за ее счет, подумала она. Она назвала это непристойностью, и он, должно быть, наверняка понял, что это ее заводит. Она заплакала еще сильнее, думая о том, что ее сын, должно быть, прекрасно знал, что она заставила себя кончить, читая это.

Мари в тот момент казалось, что мир рушится вокруг нее. Этим утром она чувствовала себя лучше, но ее дрожащая хватка реальности ускользнула. Почему трахаются все, кроме нее? Почему все в этой жизни казалось сосредоточенным на сексе? Почему она не могла принять участие в волнении? Даже сейчас, когда она мастурбировала, это было омрачено инцестуальными мыслями. Единственным сильным мужчиной, оставшимся в ее жизни, который предложил ей сочувствие, был ее сын. Теперь он ощущался чужаком. У него была тайная жизнь, которую он скрывал от нее, жизнь, которая так ее возбуждала, но она не могла быть ее частью. Почему у нее не может быть такой жизни, как у Алексис? Эта женщина была предана её сыну, и ее трахали, баловали и заботились о ней. Что было у нее? Ее жизнь была полна лжи, обмана и тайн. Несмотря на все ее порывы, сейчас она нуждалась в сыне. Ей нужно было, чтобы он обнял ее и утешил.

Алексис видела, как Мари, тяжело всхлипывая, выбежала из своей комнаты.

- Мари? - Она спросила: - Мари? Что случилось?

Она была сбита с толку этой внезапной переменой в её поведении. Алексис отметила, какой по-настоящему счастливой она казалась всего тридцать минут назад.

Мари шмыгнула носом, направляясь к лестнице.

- Мне нужно поговорить с Томом. Мне нужно найти его. Ты знаешь, где он?

Алексис немедленно запаниковала. Конечно, она знала, где он. Мари тоже знала. Он был в своем кабинете в задней части дома. Алексис прошла мимо машины Джен на улице, когда они подъехали, и она знала, что он все еще был с ней. Она не могла позволить Мари потревожить его.

- Ох, Мари, он работает. Ты действительно не можешь беспокоить его, - она попыталась скрыть панику, которую чувствовала, но Мари не останавливалась. - Мари! Пожалуйста, подойди и поговори со мной. Позволь мне помочь тебе. Пожалуйста, не беспокойте его.

- Ты не понимаешь. Мне просто нужно его увидеть.

Мари уже была на полпути вниз по лестнице, и теперь Алексис следовала за ней, умоляя ее.

- Мари! Я не могу позволить тебе увидеть его. Пожалуйста, пойми. Он будет сердиться. Я обещала ему.

Мари продолжала игнорировать ее. Она уже выходила на задний двор, и Алексис была в ужасе.

- Остановись! Не ходи туда. Я не позволю тебе войти туда, - Алексис закричала на нее.

Мари обернулась с глазами, полными слез, и смерила взглядом худенькую блондинку. - Ты мне не позволишь? И вообще, кто ты такая, черт возьми?

С этими словами она повернулась и решительно направилась к гостевому домику.

Это замечание ужасно задело Алексис. Она сломалась посреди заднего двора. Она любила Тома и хотела только делать то, что он просил. Ей нравилось проводить сегодня время с Мари. Но её комментарий заставил ее почувствовать себя такой незначительной, такой никчемной. Она подвела их обоих. Если бы Том был зол на нее, если бы эта хрень заставила его прекратить ее подчинение, что ж, тогда она была бы никчемной. И слезы потекли ручьем.

Том не мог быть более доволен своими успехами сегодня днем. Несмотря на то, что его мама появилась неожиданно, ему все же удалось закончить несколько страниц. Том дважды позаботился о том, чтобы сохранить свои дополнения. Он и раньше совершал ошибку, теряя работу, и теперь имел привычку перепроверять всё дважды.

Он провел час с Джен, когда она приехала, а потом два с половиной часа писал. Он заставил ее сказать несколько унижительных вещей, в то время как она держала свою красную задницу в воздухе для его удовольствия. Он встал примерно через час после того, как начал писать, и вставил анальную пробку среднего размера в ее тугую маленькую задницу. Джен нравилось чувствовать себя немного униженной. Она была вся взвинчена жестоким обращением. Том подумал, что было бы жестоко заставлять ее еще дольше ждать освобождения.

<http://erolate.com/book/237/4702>